Тенденции развития региональной политики Италии

О.Н. Барабанов

Статья посвящена новым подходам к реализации региональной политики в Италии в период Второй Республики. В фокусе внимания находится процесс так называемой «деволюции» – фактической квазифедерализации итальянской политической системы, и ее институционального оформления в рамках конституционной реформы начала 2000-х гг. В статье также анализируются традиционные (между Севером и Югом, между Миланом и Римом) и новые, связанные с ускоренным развитием Северо-Востока страны, региональные различия внутри Италии.

В связи с достаточно поздним (в сравнительной европейской ретроспективе) процессом национального объединения Италии, концепт нации-государства имеет применительно к этой стране свою специфику. С одной стороны, общеитальянская национальная идея как движущая сила построения единого государства является достаточно "свежей", и потому более действенной. С другой стороны, благодаря этой исторической "молодости" итальянского единства можно утверждать, что концепт нации-государства в ряде аспектов недостаточно утвердился в общественном мнении и не вошел "в плоть и кровь" политической системы страны. На эту историческую недолговечность существования нации-государства в Италии как на сохраняющий свою актуальность фактор обращают внимание и современные итальянские политики и эксперты[1]. Это было вызвано еще и тем, что ощутимое влияние на итальянскую политику оказала и имперская идея (в период правления Бенито Муссолини), которая в силу своего универсализма с определенной точки зрения противоречила идее нации-государства.

Все это привело к тому, что тема сохранения государственного единства, а также усиления внешнеполитической самостоятельности внутригосударственных регионов Италии получила в 1990-2000-х гг. достаточную остроту. С одной стороны, современной Италии удалось избежать появления активных конфликтно настроенных движений национальных меньшинств. Поэтому реальной угрозы территориальной целостности и безопасности государства, которую представляют национальные сепаратистские силы в ряде других стран (движения определенных групп басков в Испании, ирландцев в Великобритании, косоваров в Югославии и пр.), в Италии изучаемого периода не было. Все вспышки вооруженного насилия на национальной почве в Италии остались в прошлом. Последней наиболее массовой из них стало проавстрийское сепаратистское движение в регионе Трентино - Альто Адидже (Южном Тироле) в 1950-е и начале 1960-х гг. Тогда немецкими националистами в Италии был совершен ряд терактов, а целью террористов было отделение Южного Тироля от Италии и присоединение его к Австрии. Однако затем эта проблема утратила свою остроту.

В других областях Италии проблема национальных меньшинств в последние десятилетия также не доходила до уровня вооруженного насилия. В регионе Валле Д'Аоста, находящемся на пограничье между Италией и Францией, последняя масштабная вспышка напряженности пришлась на конец Второй мировой войны и носила скорее характер межгосударственного конфликта, а не сепаратистского движения. В марте 1945 г. французские войска вошли в Валле Д'Аоста, и самостоятельные попытки итальянского правительства договориться с Шарлем де Голлем об их выводе не привели к успеху. Только лишь под серьезным давлением США и угрозой приостановки американской экономической помощи Франция в июне 1945 г. вывела свои войска и передала данный регион Италии2.

Еще один приграничный регион (Фриули – Венеция Джулия) со словенским национальным меньшинством после урегулирования Триестского вопроса к 1954 г. также не превратился в арену для сепаратизма и вооруженных столкновений, несмо-

Барабанов Олег Николаевич –д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой политики и функционирования ЕС и Совета Европы ЕУИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

тря на определенную искусственность проведенной границы. Более того, объективности ради следует отметить, что в течение последних десятилетий политическую (не военную) остроту данной проблеме придавал обратный фактор – наличие итальянского меньшинства в СФРЮ, а затем в Словении и Хорватии, и периодически озвучивавшиеся проявления ирредентистской идеологии с претензиями Италии на эти территории. Подробнее эти вопросы рассмотрены в последующих главах данной работы.

Таким образом, проблема вооруженного сепаратизма перед Италией не стояла, что, естественно, приводило к большей свободе для маневра и во внешней, и в военной политике страны. Но в 1990-2000-х гг. Италия столкнулась с принципиально иным вызовом единству и территориальной целостности страны. Он был связан с внутренней неоднородностью итальянской нации и серьезными субнациональными противоречиями, которые, как показала практика, не удалось решить, несмотря на всю государственную политику и идеологию сплоченности итальянской нации. В современной Италии это проявилось в деятельности "Лиги Севера", возглавляемой Умберто Босси.

Для того, чтобы полнее и глубже понять идеологические установки У. Босси и ту популярность, которую "Лига Севера" получила среди избирателей в ряде регионов страны, следует обратиться к историческим корням формирования итальянской нации. Италии достаточно поздно, лишь во второй половине XIX в., удалось сформироваться как единой нации-государству. До этого на протяжении Средних веков и раннего нового времени страна была разделена на различные государственные образования. Следует отметить, что тема осознания важности и необходимости национального единства присутствовала в итальянской политической мысли уже в те эпохи. Об этом писал Данте[3]. Плюсы объединения различных итальянских государств в одно целое подробно разбирал Николо Макиавелли[4]. Однако партикуляристские тенденции и в реальной политике, и в идеологии были также достаточно сильными. Они проявлялись и в том, что взаимодействие итальянских государств между собой часто строилось по классическим принципам баланса сил в международных отношениях, а период Итальянских войн конца XV – первой половины XVI вв. вообще может быть рассмотрен практически как образцовый пример действенности этой концепции.

Кроме того, в юридических доктринах того времени делался акцент на полноправном характере властных полномочий у правителей отдельных итальянских коммун, их несвязанности с соседями и практическом отсутствии какого бы то ни было контроля "сверху" за их деятельностью с XI–XIII вв. Это относилось даже к тем коммунам, которые формально и в более поздний период оставались частью Священной Римской империи германской нации. В ходу был правовой принцип: городские власти имеют в своей коммуне (in sua civitate) те же самые властные полномочия, что и император в Универсуме в целом (in suo universo)[5].

Далее, и в политической идеологии, и в массовом сознании даже терминологически каждая из отдельных внутриитальянских общностей, сгруппированных по различным государственным образованиям, воспринималась как отдельная нация. Именно такой подход можно встретить во многих политических и литературных памятниках Италии раннего нового времени, например в мемуарах Бенвенуто Челлини. С новой силой призыв к национальному единству страны был сформулирован только в первой половине – середине XIX в. главным образом в работах Джузеппе Мадзини. Он делал акцент на том, что все итальянцы говорят на одном языке, следуют одним и тем же тенденциям и воспитаны в одних и тех же исторических традициях. Другой постулат Дж. Мадзини, сформулированный им в работе "Обязанности человека", заключался в том, что по вышеуказанной причине итальянцы между собой "обладают более глубокой и непосредственной общностью чувства и мысли, чем с другими[6]. Наиболее емкое выражение это стремление к национальному освобождению и объединению Италии получило в термине Risorgimento, который одним из первых начал употреблять Виченцо Джоберти.

Затем благодаря походу Джузеппе Гарибальди 1860 г. и окончательному объединению Италии в 1870 г. идеалы Risorgimento воплотились в реальность. Италия оформилась как единое государство. С этого момента поддержание идеологии национального единства стало важным элементом государственной политики. Следует отметить также, что этот подход достаточно часто дополнялся в Италии идеями активного национализма и экспансионизма. В конце XIX – начале XX в. в стране оформилось и укреплялось так называемое "ирредентистское" движение, делавшее акцент на том, что процесс национального объединения Италии еще не завершен, поскольку в руках Австро-Венгерской империи остаются итальянские территории Трентино, Триеста, а также Истрии и Далмации. Ирредентизм стал базой для набиравшего силу в Италии общественного и политического протеста против тесного сотрудничества страны с Австро-Венгрией в рамках Тройственного союза.

Помимо ирредентизма, большое воздействие на итальянское общественное мнение оказала активная колониальная политика, которую начала проводить Италия с конца 1870-х гг. Италии удалось сформировать свои колонии в Эритрее и части Сомали, она пыталась соперничать с Францией за Тунис, и вела (впрочем, неудачно) военные кампании против Эфиопии. Позднее итогом итало-турецкой ("ливийской") войны 1911–1912 гг. стало создание итальянской колонии Ливия на территории бывших османских областей Триполитании и Киренаики. В ходе этой же войны Италия оккупировала Додеканесские острова в Эгейском море. Колониальная экспансия также способствовала усилению активного национализма в Италии. Этот процесс получил и свое институциональное оформление после создания в 1910 г. достаточно влиятельной Националистической ассоциации и ее печатного издания "Национальная идея".

Особую форму это сочетание идей национального единства с экспансионизмом приобрело в период фашистской диктатуры Бенито Муссолини 1922–1943 гг. В этот период была выдвинута концепция об имперском предназначении итальянцев, в 1936 г., после взятия Аддис-Абебы, была институционально оформлена Итальянская империя. В ее идеологии большое место занимали образы и мифы Римской империи, основа величия итальянской нации определялась в величии древних римлян. Муссолини заявлял, что он, как Мадзини, стремился "дать итальянцам религиозную концепцию собственной нации"[7]. Также следует отметить, что в правление Муссолини получили большое развитие идеология и практика корпоративизма как инструмента для дополнительного сплочения нации на базе тесно связанной сети профессиональных и иных ячеек[8]. В итоге "политика консенсуса", проводимая Муссолини, использовалась для популяризации военных и внешнеполитических акций итальянского государства[9].

Тем не менее регионалистские тенденции в общественных настроениях итальянцев продолжали сохраняться. Практически с самого начала существования единого итальянского государства его отличал резкий контраст между развитым Севером и более отсталым Югом страны. Кроме того, на Юге Италии сразу после объединения страны получили распространение крестьянские бунты против новой "пьемонтской" власти[10]. Нерешенность проблем экономического развития Юга привела на рубеже XIX–XX вв. к массированной эмиграции из этих регионов страны в США и Латинскую Америку[11]. При Муссолини для того, чтобы не подчеркивать внутреннюю неоднородность страны, в официальных документах и прессе вообще запрещалось использовать сам термин "Юг Италии" (Mezzogiorno)[12].

Острота "южного вопроса" иногда приобретала даже радикальную форму стремления к сепаратизму и отделению от страны. Показательным примером этого может служить вспышка сепаратистских идей на Сицилии в завершающий период Второй мировой войны. Основания для этого виделись в том, что присутствие англо-американских войск на Сицилии и нестабильность и продолжающиеся военные действия в континентальной Италии создают удобный предлог для отделения Сицилии и ее трансформации в самостоятельное государство с признанием его легитимности Великобританией и США. Иногда даже сам факт успешной высадки и практически беспрепятственного продвижения англо-американских войск на Сицилии в 1943 г. рассматривался в контексте стремления сицилийцев опереться на новую внешнюю силу в их надеждах на отделение от Италии.

Однако этому проекту не удалось воплотиться на практике. Подавив сопротивление немцев и сторонников Муссолини в континентальной Италии, англичане и американцы не были заинтересованы в разделе страны, и потому вопрос об отделении Сицилии был снят с повестки дня. Тем не менее и в 1970-х гг. озвучивались заявления о стремлении ряда правых и ультраправых сил организовать заговор с целью провозглашения Сицилии независимым государством. В этом, в частности, обвиняли скандально известного банкира Микеле Синдону[13].

Дискуссии о региональной неоднородности страны и необходимости учета этого в новой политической системе страны были достаточно острыми и в период работы Учредительного собрания, готовившего в 1946–1947 гг. текст новой Конституции Италии. В результате, пять регионов страны (Сицилия, Сардиния, Трентино – Альто Адидже, Фриули – Венеция Джулия и Валле Д'Аоста) получили по Конституции особый автономный статус и более широкие привилегии и полномочия, чем другие области Италии.

Исторически сложившаяся региональная неоднородность Италии дополнялась и сохраняющимся разрывом в уровне экономического и социального развития между отдельными частями страны, прежде всего между Севером и Югом Италии. Неразвитость и отсталость южных регионов стала постоянной проблемой, решением которой занимались и занимаются все правительства объединенной Италии. Одним из путей ее решения стало, естественно, направление масштабных бюджетных субсидий на развитие Юга. Значительный объем средств для южных регионов Италии привлекается и по линии различных фондов ЕС.

Такая ситуация привела к тому, что постепенно в северных регионах Италии, главным образом в Ломбардии, но также и в Венето, Пьемонте, Лигурии, в определенных мелкобуржуазных кругах стало нарастать недовольство тем, что "бедный и ленивый Юг" живет за счет богатого Севера и неоправданного перетока финансовых средств с Севера на Юг Италии. В течение 1980 – начале 1990-х гг. это общественное недовольство стало выражаться и в политической форме, результатом чего стало создание и быстрый рост регионалистского политического движения "Лига Севера", которое возглавил Умберто Босси. Начиная с парламентских выборов 1994 г., "Лига Севера" стабильно получает около 10% голосов избирателей, а в некоторых северных коммунах за нее голосует более трети электората. Первым крупным политическим успехом "Лиги Севера" стало ее вхождение в состав правоцентристской правительственной коалиции Сильвио Берлускони в 1994 г. Этот успех был повторен и на выборах 2001 г.

Следует отметить, что идеологические установки "Лиги Севера" постепенно эволюционировали. Весьма примечательным моментом стало то обстоятельство, что примерно к середине 1990-х гг. основным объектом критики «Лиги» стал уже не Юг сам по себе, а центральное правительство в Риме. Оно, с позиции легистов, и несет основную ответственность за оттягивание средств с Севера на Юг и их неэффективное использование. Лозунг "Рим–воровка" (Roma ladrona) стал одним из главных предвыборных слоганов «Лиги» на парламентских выборах 1996 г. и сохраняет свою значимость в легистской пропаганде до сих пор.

В 1990-х гг. начало усиливаться и внешнеполитическое измерение в идеологии "Лиги Севера". Это было связано, с одной стороны, с тем, что в этот период в рамках Европейского союза начало

усиливаться трансграничное сотрудничество внутригосударственных регионов, которые поощрялись Брюсселем к тому, чтобы налаживать прямые связи друг с другом. Большой импульс для развития получил и официальный Комитет регионов при ЕС. На этом фоне, благоприятном для внешних контактов, "Лига Севера" стала активно взаимодействовать с радикальными регионалистскими группами в других странах ЕС, прежде всего с рядом политических сил в Каталонии.

С другой стороны, в этот период Италия столкнулась с достаточно серьезными трудностями на пути достижения необходимых финансовых критериев для введения единой ЕС-овской валюты евро. Позиция «Лиги» по этому вопросу заключалась в том, что если бы в Италии не было отсталого Юга и "Рима–воровки", то ее финансовое положение было бы отличным, и она без проблем присоединилась бы к "первой волне" евро. Отсюда логически последовала радикализация общеполитических установок «Лиги». Изначальные требования против перетока ресурсов с Севера на Юг трансформировались в 1997–1998 гг. в призывы к отделению северных регионов от остальной Италии и созданию на их основе новой, независимой страны – Падании. Она без особых проблем смогла бы перейти на единую европейскую валюту и стать одним из самых динамично развивающихся государств ЕС.

Следует также отметить, что хотя эти заявления «Лиги» носили открыто сепаратистский характер и призывали фактически к свержению существующей власти, однако реакция на них со стороны итальянского общества и политиков была достаточно спокойной и иронически-индифферентной. За Умберто Босси закрепилась достаточно прочная репутация политика несерьезного, безответственного и склонного к буффонаде, и поэтому выдвинутая им идея отделения Севера от Италии не была воспринята всерьез. Даже после того, как У. Босси в конце 1990-х гг. совершил символический поход по реке По и в ее устье торжественно провозгласил независимость Падании, на его действия не последовало практически никакой реакции. И немногочисленные призывы подвергнуть Босси аресту или судебному преследованию как человека, покусившегося на государственные устои, остались без ответа. Сам Босси, впрочем, также не стал предпринимать никаких реальных шагов по процессу отделения Падании от Италии.

В целом идеология и политические действия "Лиги Севера" не привели к формированию достаточно серьезной угрозы государственному единству и территориальной целостности Италии. Но в то же время они внесли достаточно весомый вклад в начавшийся при поощрении ЕС процесс определенной трансформации политической системы страны, ее "деволюции", то есть передачи более широких административных и финансовых полномочий от центрального правительства регионам. Показательно, что с приходом к власти второго правительства Сильвио Берлускони в 2001 г. именно Умберто Босси стал министром по делам "деволюции".

Кроме того, важно отметить: дискуссии, спровоцированные "Лигой Севера", привели к тому, что в итальянском обществе постепенно начало закрепляться достаточно спокойное и даже позитивное отношение к тому, что государственный суверенитет может начать размываться:

а) не только "сверху", со стороны наднациональных структур ЕС;

б) но и "снизу", со стороны итальянских внутригосударственных регионов.

Все это, в свою очередь, привнесло в политические и экспертные дискуссии в Италии о роли государства в современном мире еще одно новое измерение и дополнительные нюансы. В ситуации, когда процесс "деволюции" начал воплощаться в реальность, а регионалистская и часто сепаратистская идеология "Лиги Севера", несмотря на всю эксцентричность личности У. Босси, продолжает привлекать избирателей, эти тенденции могут оказаться достаточно значимыми для судеб итальянского государства в будущем.

Ощущения сильных региональных различий и определенной непрочности национального единства Италии привели к тому, что заглавная редакционная статья специального выпуска журнала "Лимес", посвященного этой проблеме, начиналась словами: "Мы, итальянцы, уже привыкли к идее, что мы не являемся единой нацией"[14]. В связи с этим перед итальянским экспертным сообществом была сформулирована задача переосмыслить "итальянскую модель нации" (un modello italiano di nazione) или "нацию по-итальянски" (nazione all'italiana)[15].

В этот период и в политических кругах (вокруг «Лиги Севера»), и в экспертном сообществе начала оформляться и предлагаться для обсуждения идея "Итальянского Союза" (Unione Italiana). Одним из первых наиболее емко ее сформулировал один из идеологов раннего легизма Джанфранко Мильо. Затем эта идея была обнародована на конгрессе «Лиги Севера» в декабре 1993 г. в виде "Федеративного Декалога". По замыслу легистов, Италия должна трансформироваться в конфедерацию трех частей – Севера, Центра и Юга – самостоятельных "Республики Падания", "Республики Этрурия" и "Республики Юга".

За пределами этих трех республик находились все пять регионов, пользующихся особым автономным статусом в современной Италии (Сицилия, Сардиния, Валле Д'Аоста, Трентино – Альто Адидже, Фриули – Венеция Джулия). «Итальянский Союз» объявлялся "свободной ассоциацией" трех республик, а пять автономных регионов "присоединялись" к союзу[16]. При этом в легистском проекте обходился стороной вопрос, что будет, если какая-либо из республик или регионов не захочет присоединиться к союзу и провозгласить полную независимость или войти в состав другого государства. Но по логике данного проекта республики и автономные регионы изначально становились полностью самостоятельными и изначально не связанными даже конфедеративно с итальянской метрополией. Лишь затем они должны были определиться со своим местом в новой политической системе – присоединяться к «Итальянскому Союзу» или оставаться вне его[17]. Таким образом, этот проект, по сути, делегитимировал нынешнее устройство Италии и предлагал не

прибегать к принципу континуитета при создании нового «Итальянского Союза», а строить его "с нуля", из тех региональных "кирпичиков", которые сами захотят принять в нем участие.

Несмотря на признаваемую самим Мильо провокационность этого предложения[18], оно стало стимулом для дальнейшего анализа уже на экспертном уровне. В частности, геополитический журнал "Лимес" в конце 1994 г. посвятил ряд статей отдельным аспектам этого проекта[19]. В этот же период, особенно под влиянием выборов 1994 г., в Италии обостряются дискуссии о противостоянии двух столиц - официального Рима и "Северной столицы" – Милана. Наиболее радикально это проявляется в лозунгах «Лиги» как борьба "моральной столицы" против "Рима–воровки". С другой стороны, именно применительно к Милану начинает использоваться термин "Взяткоград" (Tangentopoli), который затем станет образной характеристикой всей Италии целиком в ходе операции "Чистые руки", раскрутка которой началась именно с Милана.

Но несходство Милана и Рима начинает активно обсуждаться и на более умеренном политическом и нейтральном экспертном уровне с привлечением более глубоких исторических и социо-психологических коннотаций. В этих дискуссиях часто начинают использоваться символы двух разных путей развития Италии и ее места в Европе, которые заключают в себе стереотипные образы двух столиц:

– европеистского, открытого, космополитичного, либерального и в то же время локалистски-муниципального и неполитизированного Милана;

– и зарегулированного, сверхцентрализованного, неэффективного, коррумпированного и слишком самобытно-неевропеистского Рима[20].

К примеру, Эрнесто Галли делла Лоджа писал в миланской газете "Corriere della Sera": "Слово "Рим" означало и означает "Государство". А по отношению к "Государству" миланская идеология демонстрирует небрежение и непонимание ... По отношению к концепту государственности Милан противопоставляет концепт муниципальности ... В Милане продуктивная ткань города, удобренная элементами коммерческим и финансовым, народническим и демократическим, вновь возрождает идею о том, что политика вообще должна быть сведена к простым действиям администрирования и производства"[21].

Более того, специфика момента состояла в том, что противоречия двух столиц в 1990-х гг. стали дополняться возрастанием значимости "Третьей Италии", представляющей динамично развивающуюся "новую буржуазию" северо-восточных (Венето, Фриули) и ряда центральных регионов страны (Эмилия-Романья, Тоскана, Марке)[22]. Это постепенное смещение экономического центра Италии к северо-востоку начало отражаться и в политике и привело к появлению там достаточно ярких и неординарных лидеров с отчасти провокационными, но новаторскими и притягательными программами, таких, как:

– мэр Венеции Массимо Каччари;

– мэр Триеста, а затем председатель правительства региона Фриули - Венеция Джулия Риккардо Илли;

– председатель правительства этого же региона, а затем заместитель министра иностранных дел во втором правительстве Берлускони Роберто Антонионе.

Итогом всех этих процессов стало усиление к концу 1990 – началу 2000-х гг. внутренней неоднородности Италии. Неоднородности, которая уже не сводилась к традиционному разрыву между Севером и Югом, но становилась гораздо более сложной, многозначной и диверсифицированной. Эта усиливающаяся нехватка внутреннего единства начала рассматриваться как серьезный вызов итальянской нации-государству и ее суверенитету. Символически эти опасения наиболее ярко выразил историк и политолог Аурелио Лепре, озаглавив свою книгу на эту тему "Прощай, Италия?"[23].

В этот период усиливается внимание экспертов к вопросу о федерализации Италии. Достаточно активно в этом направлении выступает Фонд Джованни Аньелли, по заказу которого публикуется ряд докладов, разрабатывающих эту тему[24]. В одном из них вообще представляется сценарий, по которому не только проводится федерализация, но и происходит процесс укрупнения регионов Италии. В целях улучшения внешнеэкономической конкурентоспособности итальянских регионов их число уменьшается с 20 до 12[25]. В этом проекте наиболее интересы три предложения:

– первое – это слияние Лигурии с Пьемонтом, по которому туринские промышленники получают собственный прямой выход к морю и к обустроенным портовым терминалам Генуи. Надо отметить, что эта прямая связка промышленного потенциала Пьемонта и портовой инфраструктуры Лигурии значительно повышает конкурентоспособность крупных туринских компаний. А поскольку само это исследование было проведено Фондом Джованни Аньелли, управляемом семьей основателей и владельцев туринского "ФИАТ", то вбрасывание в общественное мнение идеи о слиянии Лигурии и Пьемонта становится гораздо более прозрачным.

Впрочем, надо отметить, что эта тема уже находила свои проявления в итальянской истории. К примеру, сразу после поражения Наполеона внешнеполитическая деятельность Сардинского королевства (включавшего в себя Пьемонт и Сардинию) была направлена на присоединение территории Генуэзской республики, что и было успешно осуществлено. И эта связка Пьемонта и Лигурии стала одной из основ усиления могущества Савойской династии, правящей Сардинским королевством, тем, что именно вокруг нее позднее начал консолидироваться процесс объединения всей Италии;

– второе предложение этого проекта – объединение всех трех регионов Северо-Востока Италии (Венето, Трентино – Альто Адидже и Фриули – Венеция Джулия) в единый регион под названием "Три-Венето". Это позволило бы более активно содействовать экономическому росту на Северо-Востоке Италии и политически поддержать "Третью Италию", нарождающийся северо-восточный экономический центр страны, о котором уже упоминалось выше;

– и третье предложение – это слияние в единый регион нынешних "среднеадриатических" регионов страны - Марке, Абруцци и Молизе. Это позволило бы усилить итальянскую экономическую мощь на Адриатике и стимулировать развитие восточного побережья страны, которое в 1990-х гг. получило дополнительный ресурс для своего малого и среднего бизнеса в виде активной торговли с новыми государствами Балкан, ЦВЕ и СНГ.

В целом дисбаланс экономического развития Италии между Севером и Югом сделал достаточно популярной в стране и концепцию о неравномерности влияния глобализации на отдельные регионы каждой страны[26] – так называемых "ворот в глобальную экономику"[27]. Согласно ее положениям, в любом государстве выделяются своеобразные точки роста - отдельные регионы и города, главным образом которые и пользуются теми выгодами, которые приносит процесс транснационализации и либерализации экономики и финансов. Другие же, менее "продвинутые", регионы во все большей степени остаются в стороне от этого процесса. Этим нарушается экономическое единство страны, что может стать важным фактором размывания суверенитета и самого государства в целом.

В этой связи И.Б. Левин особо подчеркивает ту возрастающую роль, которую играют в жизни Италии "индустриальные округа", сформированные вокруг ряда городов[28]. Их ускоренное развитие также оказывает значительное влияние на внутреннюю неоднородность страны. Так, Карло Жан предложил использовать при анализе этого явления "геоэкономический" подход. Суть его заключалась в том, что в условиях складывания общемирового финансового и товарного рынков происходит не только размывание потоками капитала государственных границ, но и экономическое расслоение отдельных территорий внутри каждого из государств. Выгодами глобализации пользуется лишь небольшое число городов и регионов, которые постепенно обособляются от остальных областей государства и начинают жить собственной жизнью. Эта кристаллизация островков богатства и успеха посреди менее "продвинутого" пространства приводит к тому, что нация-государство начинает постепенно заменяться "регионами-государствами" и "городами-государствами". А это, естественно, наносит серьезный удар по суверенитету в его традиционном понимании[29].

Следует также отметить, что на эти разработки К. Жана оказали определенное влияние концепции Кеничи Омэ[30], на которые он часто ссылался. Эта тенденция, ведущая к формированию "регионов-государств" и "городов-государств" и растворении в них "наций-государств" представляет, по мнению итальянских исследователей, опасность, поскольку отсталые регионы и территории в отсутствие поддержки со стороны государства будут еще более маргинализованы. К. Жан, например, разбирает в этом контексте возможные сценарии развития Юга Италии[31].

Политическим итогом всех этих процессов стала достаточно масштабная конституционная реформа, прошедшая в Италии 18 октября 2001 г. В ее рамках центральным правительством регионам были предоставлены гораздо более широкие полномочия и автономия. В результате политическое устройство Италии получило большое число практически федеративных черт. К их числу стоит отнести впервые прописанное в Конституции (новая редакция статьи 117) разграничение предметов ведения и полномочий между государством и регионами. Затронуло оно и международные аспекты. Так, регионы получили право на проведение собственных международных связей под общим контролем со стороны государства. К предметам совместного ведения государства и регионов были отнесены, помимо прочего, международные связи регионов, связи регионов с ЕС и внешняя торговля.

Далее, согласно новой редакции статьи 117 Конституции Италии, регионам предоставлено право участвовать в подготовке нормативных актов ЕС. На основе этого положения регион Эмилия-Романья Италии в 2002 г. стал инициатором подписания так называемой "Общей декларации о европейском управлении", одобренной рядом регионов из разных стран ЕС. Все они выступали за расширение прямого участия регионов в выработке нормативно-правовых актов ЕС. Сейчас эта проблема находится в фокусе внимания итальянской и политики Евросоюза в связи с разработкой Конституционной хартии ЕС[32].

Еще одно нововведение конституционной реформы в Италии связано с тем, что регионам предоставлено право заключать соглашения с иностранными государствами и регионами других государств[33]. Таким образом, итальянские регионы получили достаточно широкий объем полномочий по международным вопросам и начали их реализовывать. В результате уже начали озвучиваться мнения, что подобная самостоятельность регионов представляет собой опасность для единства итальянской нации-государства и может оказать серьезное влияние на эрозию территориальной целостности страны[34].

В любом случае получение регионами Италии все новых полномочий затрагивает и международную сферу. Поэтому в среднесрочной перспективе следует ожидать активного выхода итальянских регионов на мировую арену и поиска ими своего места в мировой политике. А это, в свою очередь, предоставляет для России новые возможности для расширения сотрудничества с итальянскими партнерами.

Barabanov O.N. Development Tendencies of the Regional Policy in Italy.

Summary: The article is dedicated to the new approaches for realisation of regional policy in Italy in the period of the 2nd Republic. In the focus of the analysis there is the process of the so-called devolution as a de facto federalisation of the political system in Italy and its institutional framework during the constitutional reform in the 2000-es. The regional cleavages within Italy are also analysed in the article (both the traditional ones, between the North and the South, and between Milan and Rome, and the new ones connected with the perspective development of the North East of Italy).

Ключевые слова

Италия, региональная политика, федерализм, деволюция, конституционная реформа.

Keywords

Italy, Regional Policy, Federalism, Devolution, Constitutional Reform.

Примечания

1. De Michelis G. La lunga ombra di Yalta. La specificita' della politica italiana. Venezia: Marsilio. 2003. P.134.
2. Подробнее об этом см.: Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. Milano: Rizzoli. 2002. P. 33-34.
3. См. напр.: Dante Alighieri. La Divina Commedia. Purgatorio. VI. 76-82.
4. См. напр.: Machiavelli N. Discorsi sulla prima Deca di Tito Livio. I.XII; Idem. Il Principe. XII.
5. De Ferrariis J.P. Aurea practica. Venetiis. 1602. Forma in actione reali, vers. 'Veris ac legitimis'. No.16. Подробней об этом см.: Барабанов О.Н. Бартоломео Боско – генуэзский юрист XIV-XV вв: теория и практика гражданского судебного процесса. СПб: Алетейя, 2002. С.59.
6. Подробнее о взглядах и деятельности Дж.Мадзини см., напр.: Кирова К.Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805–1872). М., 1981. Об этом периоде см. также: Невлер В.Е. Демократические силы в борьбе за объединение Италии. 1831-1860. М., 1982; Ковальская М.И. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. М., 1981; Лурье А.Я. Гарибальди (1807-1882). М., 1957; Кирова К.Э. Заговорщики и народ. М.: Наука. 1991; Ferrari G. Storia della Rivoluzione d'Italia. Bologna. 1872. Vol.1-3; Montanelli G. Introduzione ad alcuni appunti storici sulla rivoluzione d'Italia. Torino. 1945; Mastellone S. Mazzini e la Giovine Italia. Pisa. 1960. Vol.1-2; Grew R. Sterner Plan of Italian Unity: the Italian National Society in the Risorgimento. Princeton. 1963.
7. См. Rossi R. Mazzini e il fascismo. Sintesi critica e polemica. Livorno. 1931. P.51.
8. В отечественной историографии см. на эту тему: Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М.: Издательство МГУ, 2000.
9. См. напр.: Montenegro A. Politica estera e l'organizzanione del consenso. // Studi storici. 1978. No.4. И из общих работ: De Felice R. Mussolini il duce. Vol.1. Gli anni del consenso. Torino. 1974
10. Показательно и то, что в 1990-е гг. в итальянской историографии можно проследить тенденцию к переосмыслению этих выступлений и отходу от их оценок исключительно как актов "бандитизма". Вместо этого получают распространение суждения о бунтах на Юге как о естественном сопротивлении пьемонтцам, как о настоящей войне, которую правительство объединенной Италии должно было вести с применением военной силы. Что особенно важно, эти новые оценки стали проникать и в школьные учебники по истории Италии, что может закрепить у новых поколений итальянцев мысль об изначальном отсутствии внутреннего единства страны. См. Orfei G. Scuola e Nazione: una rappresentazione da manuale. // Limes. 1994. No.4. P.166-167.
11. См. напр.: Sylos Labini P. L'emigrazione dal Mezzogiorno. Milano. 1977.
12. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М.: Издательство МГУ, 2000. С. 69.
13. См.: Зафесов Г.Р. Тайные рычаги власти. М.: Мысль, 1984. С.10–11.
14. Buongiorno Italia. // Limes. 1994. №.4. P.7.
15. Buongiorno Italia. // Limes. 1994. №.4. P.7.
16. La Stampa. 1993. 12 dicembre.
17. Limes. 1994. No.4. См. приложенную карту "Итальянского Союза".
18. Miglio G. Io, Bossi e la Lega. Milano: Mondadori. 1994. P.52.
19. См. напр.: Frattolin F. Un progetto di Unione Italiana. // Limes. 1994. No.4.
20. См. об этом: Milano a Roma. Guida all'Italia elettorale del 1994. / a cura di I.Diamanti, R.Mannheimer. Roma: Donzelli. 1994. P.XVI-XVII; Rampini F. Come Berlusconi ha inventato il primato di Milano. // Limes. 1994. No.4. P.49-50; Montanelli I. Milano ventesimo secolo. Storia della capitale morale da Bava Beccaris alle Leghe. Milano: Rizzoli. 1990.
21. Corriere della Sera. 1994. 31 luglio.
22. Rampini F. Come Berlusconi ha inventato il primato di Milano. // Limes. 1994. No.4. P.51.
23. Lepre A. Italia, addio? Unita' e disunita' dal 1860 a oggi. Milano: Mondadori. 1994. См. также на эту тему: Rusconi, Gian Enrico. Se cessiamo di essere una nazione. Bologna: Il Mulino. 1993.
24. Pacini M. Scelta federale e unita' nazionale. Torino: Edizioni della Fondazione Agnelli. 1994; La Padania, una regione italiana in Europa. Torino: Edizioni della Fondazione Agnelli. 1992; La capitale reticolare. Torino: Edizioni della Fondazione Agnelli. 1994; Brosio G., Pola G., Bondonio D. Una proposta di federalismo fiscale. Torino: Edizioni della Fondazione Agnelli. 1994; Comba A., Greppi E. Revisione costituzionale, federalismo e dimensione europea. Torino: Edizioni della Fondazione Agnelli. 1994; Nuove Regioni e riforma dello Stato. Torino: Edizioni della Fondazione Agnelli. 1992.
25. Il nostro progetto geopolitico. / a cura della Fondazione Agnelli. // Limes. 1994. No.4. P.147-156.
26. Deaglio M. La congiuntura mondiale e la riscrittura della storia. // Deaglio M., Frankel G.S., Monateri P.G., Caffarena A. Dopo l'Iraq. Ottavo rapporto sull'economia globale e l'Italia. / Centro di ricerca e documentazione "Luigi Einaudi". Milano: Guerini e Associati. 2003. P.31.
27. Ворота в глобальную экономику / пер с англ. / Под ред. В.М.Сергеева. М., 2001.
28. Левин И.Б. Италия после Первой республики // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс, 2001. С.338; Он же. "Индустриальные округа" как альтернативный путь индустриализации // МЭиМО, 1998. № 6.
29. См. Jean C. Introduzione. // Il sistema Italia. Gli interessi nazionali italiani nel nuovo scenario internazionale. Milano: Franco Angeli. 1997. P.7.
30. Ohmae K. The Rise of Region State. // Foreign Affairs. 1993. Summer.
31. Жан К. Генэкономика: теоретические аспекты, методы, стратегия и техника // Геоэкономика. Господство экономического пространства / ред. Жан К., Савона П. М.: Ad Marginem, 1997. С.39.
32. См. Caravita B. La Costituzione dopo la riforma del Titolo V. Torino. 2002. P.124-125; Gestri M. La riforma del Titolo V della Costituzione e il potere estero delle regioni. // L'Italia e la politica internazionale. Edizione 2003. / a cura di A.Colombo, N.Ronzitti. Bologna: Il Mulino. 2003. P.110.
33. Здесь следует отметить, что данные полномочия итальяснких регионов стали даже шире соответствующих полномочий субъектов Российской Федерации. Поскольку в соответствии с федеральным законодательством, российским регионам предоставлено право заключать соглашения только с регионами других государств и отдельными ведомствами центральных правительств других государств, но не с самими государствами целиком.
34. См. Intervento del Sen. Turroni (Verdi). / Resoconto sommario della seduta n.206 della commissione Affari Costituzionali del Senato. 2002. 24 ottobre. // www.senato.it.